

Из истории русского языка

«И горкуши, и кардыки, и цокалы, и сюсюкалы» в описаниях диалектологов XIX века

Георгий Анатольевич Мольков, Институт лингвистических исследований РАН
(Россия, Санкт-Петербург), georgijmolkov@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611725030067

аннотация: Сложный процесс зарождения диалектологии как науки в XIX в. наглядно отражается в используемой в этот период терминологии для названия разных диалектных фонетических явлений. В статье прослежен путь от первых примеров специальных наименований этих явлений — еще за рамками профессиональной лингвистической литературы до крупных централизованных проектов по описанию русских говоров. За это время произошли наиболее активные процессы, связанные с формированием терминов, конкуренцией синонимов, их стилистическим распределением и отсеиванием излишних средств. Лексика для наименования фонетических особенностей говора оказалась на пике всех этих процессов, т. к. легла в основу диалектного членения, варианты которого во второй половине XIX в. предлагали фольклористы, историки, этнографы, публицисты и собственно лингвисты. В статье показано, что интересующие нас обозначения были почерпнуты диалектологией непосредственно из народной речи и вплоть до начала XX в. сохраняли связь с изначальной средой использования. Они часто содержали оценку диалектной речи как малограмотной и испорченной, а также включали в свой состав лексику из сферы обозначения дефектов речи.

Г. А. Мольков. «И горкуши, и кардыки, и цокалы, и сюсюкалы» в описаниях диалектологов XIX века
G. A. Molkov. "And Gorkushas, and Kardyks, and Tsokalas, and Syusyukalas" in the Descriptions of Dialectologists...

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая лексикология, история диалектологии, терминология, В. И. Даль

для цитирования: Мольков Г. А. «И горкуши, и кардыки, и цокалы, и сюсюкалы» в описаниях диалектологов XIX века // Русская речь. 2025. № 3. С. 90–99. DOI: 10.31857/S0131611725030067.

From the History of the Russian Language

“And Gorkushas, and Kardyks, and Tsokalas, and Syusyukalas” in the Descriptions of Dialectologists of the 19th Century

Georgiy A. Molkov, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Saint Petersburg), georgiyolkov@gmail.com

АБСТРАКТ: The article analyzes the names of dialect phonetic phenomena used in the works of scientists in the 19th century. They most clearly reflect the thorny path of the emergence of dialectology as a science in this period. We will follow the development of this group of vocabulary from the first examples that remained outside the framework of professional scientific discourse to large generalizing projects for the description of Russian dialects, which were undertaken at the beginning of the 20th century. During this time, the most active processes related to the formation of terms, competition of synonyms, their stylistic distribution and the elimination of unnecessary means occurred. We pay attention to the methods of designating the phonetic features of the dialect, since this vocabulary formed the basis for the description of the dialect continuum. Many folklorists, historians, ethnographers, publicists and linguists themselves proposed their own

versions of dialect classification in the second half of the 19th century. In the article, we show that the designations of interest to us were drawn by dialectology directly from folk speech and until the beginning of the 20th century retained a connection with the original environment of use. They often contained an assessment of dialectal speech as illiterate and corrupted, and included vocabulary from the area of speech defects.

KEYWORDS: historical lexicology, history of dialectology, terminology, V. Dal

FOR CITATION: Molkov G. A. “And Gorkushas, and Kardyks, and Tsokalas, and Syusyukalas” in the Descriptions of Dialectologists of the 19th Century. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 3. Pp. 90–99. DOI: 10.31857/S0131611725030067.

Наблюдать за особенностями диалектного произношения можно разными способами, в прямо противоположных регистрах — на бытовом уровне (например, заметить, что в соседней деревне говорят как-то иначе) и в научном тексте (описать диалектную фонетику для определенной территории). Исторически бытовой способ, конечно, первичен, и научное описание неизбежно складывается на его основе. Именно на XIX в. приходится зарождение диалектологии как науки, а уже к началу XX в. дисциплина прошла путь от первых, подчас полулюбительских рассуждений до разработанного университетского курса со своей терминологией и проблематикой. В первую очередь были необходимы базовые наименования — основных диалектов и их групп. Удобнее всего оказалось обозначать диалекты по фонетическим особенностям говора [Оссовецкий 1961: 14] как наиболее заметным для наблюдения. Именно фонетические черты и их названия легли в XIX в. в основу диалектного членения, варианты которого на этом раннем этапе предлагали фольклористы, историки, этнографы, публицисты и собственно лингвисты.

Первые следы будущей терминосистемы можно проследить с 1830-х гг. Они выражаются в использовании глаголов со значением ‘произносить какой-либо звук’ и производных от них существительных, обозначающих саму особенность: *акать* > *аканье*, *дзекать* > *дзеканье* и т. п. В 1830–1840-е гг. эти обозначения появляются точно и бессистемно, хотя уже встречаются в контексте рассуждений о диалектном членении русского языка.

Самый ранний встретившийся нам пример — парные глаголы *дзвякать* и *цвякать* ‘произносить аффрикату *дз/тс* (вм. *д’* и *т’*)’, употребленные казанским историком Н. А. Ивановым в 1837 г. Пример интересен еще и тем, что автор указывает на источник, откуда он почерпнул такие глаголы, — из просторечия:

Малороссияне и Кривичи говорят Джбан, Великороссияне жбан, Малороссияне дождж, Великороссияне дощ. О Кривичах, в просторечии, говорится, что они цвякают и дзвякают, т. е. где Великороссияне и Малороссияне произносят д и т, Кривичи употребляют звуки: дз и ц [Иванов 1837: 273].

Ту же диалектную особенность филолог М. А. Максимович в своей книге 1839 г. называет *дзеканьем*. Как и Иванов, он указывает на нелитературный характер такого названия:

Это употребление звука дз Малороссияне называют дзеканьем [Максимович 1839: 127].

В 1840-е гг. диалектные особенности попадают в поле зрения художественной литературы и могут использоваться для характеристики героя произведения. Действие рассказа Н. И. Хмельницкого «Мундир», вышедшего в 1845 г., происходит в Архангельске, и автор упоминает об *оканье* героев:

Фаддей Фаддеевич был человек ловкий и грамотный, а потому и десятилетний сын его Петруша был, по тогдашнему, не дурно образован. Он отучился даже от местного оканья и начинал говорить языком порядочного человека [Хмельницкий 1845: 42].

Автор специально указывает, что это «местное» — видимо, как явление, так и само слово, которое Хмельницкий в тексте выделяет курсивом. Мы видим, что при обозначении черт народной, нелитературной речи авторы пользуются тем, что уже было в языке — фактически заимствуют диалектные слова.

И возможно, так бы и продолжалось скромное прозябание подобных словечек в литературном языке, если бы с середины века не началась словарная деятельность в сфере диалектологии. В 1851 г. в своем докладе на заседании Русского географического общества И. И. Срезневский уже безо всяких оговорок пользуется глаголами *акать* и *окать*, характеризуя говор Москвы [Срезневский 1851: 11]. Срезневский же был автором проекта первого диалектного словаря — «Опыта областного великорусского словаря». После выхода этого словаря в 1852 г. вышла рецензия В. И. Даля

под названием «О наречиях русского языка», где был дан «сжатый очерк наречий великорусского языка в том виде, как он сам их себе представлял, с указанием основных особенностей этих наречий» [Кузнецов 1958: 26]. В этом сочинении Даль уже массово «прописывает» в литературном языке всевозможные названия особенностей произнесения в диалектах гласных и согласных звуков, допуская такие суждения:

Губ<ерния> Тверская по говору самая безобразная, пестрая и смешанная <...>; здесь много Карелы, и дикой и обрусевшей, например село Василево, у Торжка. Вообще окают, дзekaют, цокают и чвакают, слышно и вместо ь, даже иногда вместо е [Даль 1852: 23].

Все эти обозначения спустя десятилетие вошли в «Словарь живого великорусского языка» Даля, и это послужило, кажется, основным фактором дальнейшего успеха словообразовательной модели в целом и большинства предложенных конкретных наименований. В. И. Даль делает систему обозначений регулярной и более пространной — придает ей черты терминологии. Во-первых, образует причастия, которые в адъективированном смысле становятся обозначением типа говоров — *акающие, цокающие* и т. п. Во-вторых, Даль стремится встроить в ту же систему и обозначение диалектоносителя: тот, кто *окает*, — *окальщик* или *окала*, тот, кто *дзekaет*, — *дзekaла* и т. д.

Этот подход стал образцом для последующих систем описания говоров в XIX в. Например, преподаватель словесности Н. И. Алябьев в своей «Практической грамматике русского языка», вышедшей в 1868 г., целиком оформил классификацию «наречий», или групп говоров, с помощью причастий. Он разделил все русские говоры на пять групп: *окающую, икающую, акающую, акающую с дзеканьем и цоканьем* и последнюю — *экающую, ыкающую, икающую и окающую* (одновременно!), обозначив так «малороссийское наречие» [Алябьев 1868: 15].

Подобные обозначения могут усложняться и дальше — входить в сложносоставные наименования, добавлять приставки. Например, в работах А. А. Потебни и А. А. Шахматова выделяются *неакающие* и *неоакающие* говоры. Характерно для периода активного терминотворчества, что каждый из авторов даже такие конкретные обозначения использует в разных значениях. Работа Потебни называется «Заметки о малорусском наречии», и *неакающие* для него — это «малорусские» говоры, т. е. говоры юго-запада восточнославянского ареала [Потебня 1871: 50]. У Шахматова наоборот — речь идет о севернорусских говорах, и он использует слово в более специальном значении, обозначая так только часть *окающих* говоров, в которых предполагаемое им «о склонное к а» не переходило в а [Шахматов 1899: 32]. Это создает некоторую путаницу, но решение

Шахматова выглядит логично, т. к. направлено на устранение дублетности терминов. В понимании Потебни *неакающий* — это то же самое, что *окающий*, а у Шахматова это единица более дробной классификации диалектного членения: есть говоры *окающие*, а есть говоры *неакающие* — и это не одно и то же.

Крайней степенью развития специальной лексики на основе причастий можно считать образование из них сложносоставных слов. В одной из работ А. И. Соболевского «белорусское наречие» названо *акающе-дзекающим* [Соболевский 1891: 70]. Но дальше всех пошел Н. М. Каринский. В работе «О говорах восточной половины Бронницкого уезда» 1903 г. ученый использует целый ряд двойных обозначений, деля говоры на *окающие-цокающие*, *акающие-цокающие* и даже *акающие-нецокающие*. В результате его описание диалектов выглядит следующим образом:

Акающие-цокающие говоры по нашему мнению следует считать результатом смешения акающих-нецокающих (южно-великорусских) с окающими-цокающими (северно-великорусскими) говорами [Каринский 1903: 35].

Эта модель образования терминов на рубеже XIX–XX вв. пережила бурное развитие, но далее ни одна из авторских систем — с усложненными составными названиями — не оказалась востребованной. В научном языке сохранились только базовые причастные обозначения типа *акающий*, *цокающий* и т. п.

По-другому развивалась судьба второго нововведения В. И. Даля — системно обозначать соответствующих диалектоносителей, взяв словообразовательные модели напрямую из просторечия — с суффиксами *-л*, *-щик*, *-ун*, типа *акала* (или *акало*), *акальщик* или *шипун* [Даль I: XXVII]. Эти термины до нашего времени не дожили, но в XIX в. они использовались в научном языке, появляясь в историко-филологических журналах. Например, ими пользуется А. А. Потебня в одной из своих рецензий:

Для характеристики говора известного околотка вовсе ненужно знать, что там встречаются и горкуши, и кардыки, и цокалы, и сюсюкалы и пр. [Потебня 1879: 773].

В другой своей работе Потебня использует подобные названия, указывая их нелитературный характер:

Королевская речь отличается от Заблудовского говора отсутствием дзеканья: поойде, поеде, буде, а не пуойдэз, поедэз, как в Заблудовском. Оттого соседи и прозывают одни других дэкалами и дзекалами [Потебня 1866: 141].

Примеры из работ Потебни показывают, что рассматриваемая лексическая группа в текстах XIX в. не ограничена единицами, которые использовал В. И. Даль.

Разговорное происхождение у этих слов, очевидно, ощущалось. Глаголы и образованные от них существительные, изначально взятые из говоров, даже в контексте научных работ сохраняют память о своем происхождении. Некоторые исследователи используют их с оговорками, отмечая их не вполне терминологичный характер. Например, А. А. Шахматов говорит об этом напрямую:

Для характеристики отличительных особенностей говора нашей местности существует очень меткое выражение: здесь «окают», в отличие от того говора, где преимущественное употребление буквы «а» дает основание говорить: тут «акают» [Шахматов 1896: 980].

Другие исследователи также последовательно ставят такие слова в кавычки:

«Цоканье», т. е. изменение этимологического ч в ц, тесно связано с «чваканьем», т. е. изменением этимологического ц в ч, и иногда уживается рядом с ним [Ляпунов 1894: 5].

Помимо нелитературного происхождения нейтральному употреблению этой лексики мешает на раннем этапе и многозначность некоторых обозначений. Хорошо это заметно на примере названий особого произношения согласных звуков. Глагол *цвякать* и производное от него *цвяканье* у разных исследователей, по нашим наблюдениям, используются как минимум в четырех разных значениях: произношение *т'*, *д'* как *ц'*, *дз'* (у И. И. Срезневского), произношение только глухого *т'* как *ц'* (у Е. Ф. Карского), произношение шипящих вместо свистящих (у К. П. Петрова) и в значении цоканья — т. е. совпадения *ц* и *ч* (у Н. А. Попова)¹. В круг значений некоторых из таких названий, кроме диалектных особенностей речи, входит и обозначение дефектов речи. Ситуация осложняется тем, что авторы, не являющиеся профессиональными лингвистами, могут смешивать понятия диалектной и дефектной речи и проявлять явную оценочность при описании говора, воспринимая иное произношение звука в диалекте как неправильное и испорченное:

«Русское» население Киренского округа такое странное, что не даром местных крестьян прозвали «белыми якутами». Нужно сознаться, что

¹ Подробнее с примерами использования можно ознакомиться в словарной статье *цвякать* в [СлРЯ XIX].

кличка не совсем несправедлива. Киренцы так сюсюкают, пришепетывают и картавят, что, на первых порах, трудно догадаться, что разговор идет по-русски [Дионео 1895: 263].

Автор очерка, описывая один из говоров северо-востока Сибири, использует глагол *сюсюкать*, значение которого В. И. Даль определяет в лингвистическом ключе — «произносить з, с, ц вместо ж, ш, ч и наоборот» [Даль IV: 574], но с явной негативной окраской. В XIX в. этот глагол чаще используется не по отношению к диалектным явлениям, а именно применительно к речи людей, которые не могут выговаривать шипящие звуки, в частности к речи детей:

На правильность, чистоту и усовершенствование речи не обращается ни малейшего внимания ни в семье, ни в школе. На каждом шагу извращают и коверкают этот драгоценный дар. Один сюсюкает, другой пришепетывает, третий заикается, четвертый картавит, пятый шепелявит, шестой гнусавит, седьмой бормочет сквозь зубы, восьмой проглатывает отдельные звуки и даже целые слоги [Бродовский 1887: 37].

Таким образом, к концу XIX в. слова рассмотренного ряда еще не утратили своей изначальной просторечной окраски, хотя и имели своих сторонников среди лингвистов, склонных к их нейтральному употреблению. За первые полвека существования диалектологии как науки в ее распоряжении оказывается избыточное количество способов описания фонетических особенностей русских говоров. В дальнейшем предстояло произвести отбор — отсеять лишние, стилистически маркированные и неустойчивые по значению слова — например, такие глаголы, как *сюсюкать* или *чвакать*, исходно обозначавшие речевые дефекты и имевшие негативные коннотации; на основе нейтральной лексики выработать классификацию, которая соответствовала бы новым данным в науке: в частности, глаголы *акать* и *окать* сохранились со всеми их производными, став основой для составных терминов (*полное оканье*, *диссимилиативное аканье*). Такие процессы начинают проходить на рубеже XIX–XX вв., когда «важным шагом в развитии диалектологии стала централизация анализа диалектных данных — составление первых областных словарей, диалектологической карты русского языка и сводной грамматики говоров» [Королькова, Мызникова 2024: 290]. При систематизации диалектных данных в виде общих карт, сводных словарей и грамматик задается общий стандарт и программа диалектных исследований в России. В соответствии с ним приводятся в порядок и названия диалектных явлений.

Источники

Алябьев Н. И. Практическая грамматика русского языка для народных училищ. Ч. 2. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1868. 155 с.

Бродовский М. М. Искусство устного изложения (чтение вслух, декламация, ораторская речь и проч.). СПб.: изд. Герман Гоппе, 1887. 119 с.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Издание Общества любителей российской словесности, учрежденного при Императорском Московском университете, 1863–1866.

Даль В. И. О наречиях русского языка. По поводу Опыта областного великорусского словаря, изданного Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Э. Праца, 1852. 72 с.

Дионео (Шкловский И. В.). На крайнем северо-востоке Сибири. СПб.: изд. Л. Ф. Пантелеева, 1895. 287 с.

Иванов Н. А. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении: ручная книга для русских всех сословий Фаддея Булгарина. СПб.: В тип. А. Плюшара, 1837. 287 с.

Каринский Н. М. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. М.: Тип. Имп. Акад. наук, 1903. 56 с.

Ляпунов Б. М. Несколько слов о говорах Лукояновского уезда Нижегородской губернии. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1894. 40 с.

Максимович М. А. История древней русской словесности. Кн. 1. Киев: Унив. тип., 1839. 227 с.

Потебня А. А. Два исследования о звуках русского языка: I. О полногласии. II. О звуковых особенностях русских наречий. Воронеж: Тип. В. Гольдштейна, 1866. 156 с.

Потебня А. А. Заметки о малорусском наречии. Воронеж: Тип. В. А. Гольдштейна, 1871. 134 с.

СлРЯ XIX — Словарь русского языка XIX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xix.iling.spb.ru> (дата обращения: 01.03.2025).

Соболевский А. И. Древний церковно-славянский язык: фонетика. М.: Унив. тип., 1891. 153 с.

Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Императорского русского географического общества. 1851. Ч. 1. Отд. 5. С. 1–24.

Хмельницкий Н. И. Мундир // Библиотека для чтения. 1845. Т. LXXI. Отд. 5. С. 40–43.

Шахматов А. А. Материалы для изучения великорусских говоров // Известия Отделения русского языка и словесности. 1896. Т. 1. Кн. 4. С. 952–1004.

Шахматов А. А. Historická mluvnice jazyka českého. Napsal Jan Gebauer. Критический отзыв. СПб.: Тип. Акад. наук, 1899. 105 с.

Литература

- Королькова М. Д., Мызникова Я. В. Из истории системного собирания и представления сведений о русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2024 / Отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2024. С. 289–323.
- Кузнецов П. С. У истоков русской грамматической мысли. М.: АН СССР, 1958. 76 с.
- Оссовецкий И. А. Начальные этапы развития русской диалектологии // История русской диалектологии / Отв. ред. Б. В. Горнунг. М.: АН СССР, 1961. С. 7–29.
-

References

- Korolkova M. D., Myznikova Y. V. [Several notes on the history of systemic collection and representation of Russian dialect data]. *Leksicheskiĭ atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research)]. St.-Petersburg, ILS RAS Publ., 2024, pp. 289–323. (In Russ.)
- Kuznetsov P. S. *U istokov russkoi grammaticheskoi mysli* [At the origins of Russian grammatical thought]. Moscow, RAS Publ., 1958. 76 p.
- Ossovetskii I. A. [The initial stages of the development of Russian dialectology]. *Istoriya russkoi dialektologii* [History of Russian Dialectology]. Moscow, RAS Publ., 1961, pp. 7–29. (In Russ.)